

К 70-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

70
1944–2014

Далекие голоса

Окончание. Начало на стр. 1

Он прибежал, кричал: «Пан, пан! Победа!» Я ему не поверили, выскочил на улицу, все крохотом стреляют в воздух. И я вытаскал пистолет и начал падать в небо. А в доме напротив жил инженер нашего полка, он в это время спал. Мы его разбудили своей стрельбой. Он на нас набросился: «Вы что, с ума сошли?» А когда сообразил, что к чуму, тоже побежал за пистолетом.

Александр СЛОБОДА (в годы войны был в партизанах, потом служил в пехоте):

– Незадолго до освобождения

Беларусь мы узнали, что в районе деревни Курино концентрируются подразделения немцев. Началась очередная карательная операция против нас, ежедневные ожесточенные бои. Немцы

жгли деревни, убивали, вешали. Хотя сегодня и пишут, что советский народ потерял 27 миллионов на войне, но если разобраться по существу и объективно, то погибло и у нас, и у немцев на фронте примерно одинаковое количество солдат. А основные потери советский народ понес среди мирного населения. Взять хотя бы Освейский район, где я родился. До войны там проживала 21 тысяча человек, а после войны осталось 6 тысяч. Потом это называли освейской трагедией.

Беларусь сильно пострадала, но поднялась из руин. И мы, вернувшись с фронта, искалеченные, без всякого отпуска, взялись восстанавливать народное хозяйство. Шинель сменила на фуфайку, винтовку – на кирку. Работали не покладая рук. В кратчайшие сроки восстановили страну. Но потом немцы нас отрезали от реки.

Надежды на спасение было мало. Голодали, питались травой. А в одном из боев меня контузило. И лежать бы мне в общей могиле... Но спасли товарищи. Комбриг приказал меня спрятать на болотах. Одна наша партизанка по фамилии Карапун, дочь бывшего педагога Борисовского педтехникума, забросала меня мхом и ветками, а ноги я подсунул под дерево. Немцы прокопчили местность, и один из них

Иван КЛИМЕНКО (в годы войны служил в штурмовой авиации):

– Вечером 27 июня 1944 года мы пришли участие в штурмовке вражеского аэродрома, размещенного в Белоруссии. Летали туда вместе с летчиком Павлом Запечиним, и, между прочим, весьмы удачно. Это был мой дебют, мы были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тист, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местному.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местному.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местому.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местому.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местому.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местому.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю, что это за вкус такой у начинки – а это картошка, «бульба» по-местому.

Наша дивизия прорывала оборону противника в районе Бобруйска. Бой были ужасные. Мы окружили большую немецкую группировку, но что мог видеть свя-

тистом, моя задача заключалась в том, чтобы от командира стрелкового полка протянуть связь к командиру батальона и ее обслуживать.

Хорошо помню, как сижу у

командира полка, а я очень крепко курил, старшим офицерам давали не махорку, а табак «Золотое руно». Тогда это считалось высшим циклом. Компания положила свою пачку на окошко, я же думал, как бы егда взять покурить. Махорка сильно надоеает. Не решился – ведь не знаю настроения командира. А бой такойшел, что все гудело, комбат же не любил рапорты, там нужно очень четко повторять слова, а когда бой идет, тебе не до дикции, только одна надежда на телефонную линию. А в наступлении часто нет связи: без конца провод рвется. Тогда телефонисты посыпают меня лицом, чтобы я мог видеть свя-

тистом, а я не знал, что это такое.

И в конечном итоге мы упали в лесной массив. Когда через несколько дней, обгоревшие и голодные, мы вернулись в часть, в полку нас уже считали погибшими.

Григорий ПОЛОВИНКА (в годы войны служил в батальоне связи):

– В мае 1944 года мы занимались позициями в районе Озаричи.

Встречаем нас местные жители ближними. Думаю,